

Моим Извещения - 2001 - 16 мая - с. 7

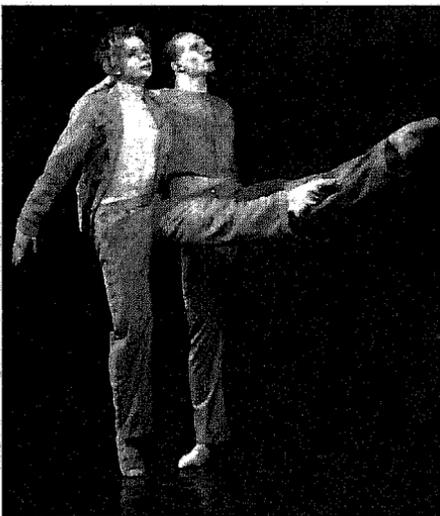
Тот, кого ждали не напрасно

В Мариинском театре состоялась премьера трех одноактных балетов Джона Ноймайера

**Анна ГОРДЕЕВА,
для «Новых Известий»**

Американец немецкого происхождения, родившийся в 1942 году в Соединенных Штатах, учившийся в Англии и Дании, тридцать лет назад возглавивший Гамбургский балет и превративший его из театра домашних радостей во всемирно известную труппу, наконец доехал до Мариинского театра. Его давно ждали, переговоры тянулись несколько лет, и недоброжелатели Мариинки хмыкали при очередном обещании все отодвигавшейся премьеры. Наконец, свершилось. Два из трех небольших балетов — Spring and fall на музыку струнной серенады Дворжак и Now and then на музыку Равеля (Концерт для фортепиано с оркестром соль мажор) — были сочинены семью годами ранее и ныне воспроизведены хореографом для труппы Мариинки. Третий, «Звуки пустых страниц» на музыку альтового концерта Шнитке, стал мировой премьерой.

Название первого балета не случайно дается в английском варианте. Spring — это не только весна, это и взлет, прыжок; fall не просто осень, но падение («физическое и метафизическое», как поясняет хореограф). В весне, как ее понимает Ноймайер, много обаяния и немного тленности уже возникающей осени. Улыбки, в которых много лукавства и чуть-чуть испорченности, — фирменный знак хореографа, для которого женщина в лучшем случае бесполезное украшение жизни, в худшем — стервозная разрушительница гармонии. Солистка в этом балете

Андрян Фадеев и Илья Кузнецов.

должна быть воплощением милой и смиренной женственности, не покушающейся на власть над мужчинами, и потому из всех составов эта партия лучше всего удалась Жанне Аюповой.

Во втором балете — «Теперь и тогда», — также бессюжетно, публика была поражена немалым сочетанием красок. Зак Браун, делавший декорации и костюмы, на балерину Светлану Захарову надел кричаще голубое трико, а на танцовщика Илью Кузнецова трико

короткое красное, вроде мужских купальников начала двадцатого века. В целом получилось сочинение до невозможности немецкое: балерина, упражняющаяся в арабесках на месте, воплотила тип изящнейшей, но совершенно бессмысленной куклы, танцовщик, у которого оказался подчеркнут мышечный рельеф, — тип брутального завоевателя.

Но и первый — обаятельный — балет, и балет второй — слегка устрашающий — померкли в лучах третьего сочинения. Зрители, что присутствовали на премьере в Мариинке, видели просто рождение шедевра.

Огромные белые листы, выстроенные вдоль задника. Юноша (Андрян Фадеев), в полной тишине сосредоточенно прорисовывающий на них линию углом, — простая метафора творчества. И взрывающийся мир — с появлением некоего персонажа (Илья Кузнецов), обозначающего верховную власть.

Нет, разумеется, не власть административную. То ли власть любовника, то ли власть хозяйки труппы (Ноймайер в жизни поставил немало вариаций на дягилевско-нижинскую тему). То ли просто власть мистическую — скорее из темноты, чем из света. Важно, что этот персонаж — одна из составляющих безумного мира художника, в котором есть еще и черный двойник (Виктор Баранов), и милая девушка (Диана Вишнева), и приходящая ближе к финалу смерть (Ульяна Лопаткина). И избавиться от этого мира можно, лишь прорвавшись сквозь свою собственную еще пустую страницу.

НАТАЛЬЯ РАЗИНА